

Призрачно-голубой кармический огонь плясал на кончиках пальцев Цзян Яня, холодный свет отражался в его спокойных фиолетовых глазах, подобных замерзшей бездне.

Напротив него Лу Чэнь левой рукой уверенно прижимал тусклую медную печать Благочестивого божества, а правую ладонь с растопыренными пальцами держал в паре дюймов над парящим духом, который источал слабое землисто-желтое свечение.

Его аура преобразилась до неузнаваемости. Легкомыслие, присущее избалованному отпрыску богатой семьи, было полностью отброшено, уступив место тяжелому, величественному достоинству, которое копилось тысячелетиями и принадлежало лишь самому Нефритовому императору.

В золотых глазах струился ослепительный божественный свет, словно в них заключалось рождение и гибель целой галактики. Незримая, колоссальная мощь с трудом, по капле, выжималась из глубин его истощенного первоначала и собиралась в ладони.

В глубине старого района Цзянчэна, в конце забытого временем узкого переулочка, в густой, неразстворимой ночной мгле замер ветхий столетний дом. Полуоткрытая гнилая дверь зияла черной дырой. Воздух был вязким, словно застывший жир, пропитанный пылью, запахом плесневелого дерева и тем невыразимым холодком, который бывает там, где время остановилось.

Фигуры Цзян Яня и Лу Чэня бесшумно возникли посреди заросшего паутиной внутреннего двора.

Их взгляды одновременно сфокусировались на смутном силуэте в углу, который почти сливался с тенями.

Это был дух мужчины.

Высокий, в выцветшем до белизны, старомодного покроя индиговом халате. Лицо его казалось размытым, словно подернутым тонкой дымкой, различить можно было лишь изящные черты да глаза — пустые, отрешенные, но на удивление чистые.

Он стоял неподвижно, словно забытый миром набросок, и от него исходило слабое, но кристально чистое землисто-желтое сияние, которое едва заметно резонировало с земной жилой этого старого района.

Однако помимо этого чистого света его окутывали клочья серо-черной обиды, похожие на ветхую паутину. Эта энергия не была яростной, но несла в себе тяжесть столетних накопленных страданий, нежелание смириться и неразрешимую одержимость. Она присосалась к его духу, словно паразит, намертво приковав к этому дому — без шанса на освобождение, без надежды на перерождение.

— Нашли, — голос Цзян Яня был холоден и спокоен. Фиолетовые глаза пронзили саван обиды, вглядываясь в самую суть, в ту крупницу землистого света, чистую, как у младенца. — Душа чиста, она врожденно резонирует с земной жилой старого Цзянчэна. Жаль...

С кончиков его пальцев бесшумно сорвался поток глубокого синего холода.

— ...связана цепями столетней обиды, не зная избавления.

— Начинаем?

Золотые глаза Лу Чэня сверкнули, как молнии. На кончиках его пальцев заплескала тонкая золотистая искра, несущая очищающее дыхание небесного величия.

— Очисти обиду, не повредив саму душу.

Цзян Янь был краток. В глубине его фиолетовых глаз промелькнул ледяной отблеск.

Он быстро сложил печати — движения были настолько стремительны, что превратились в размытые тени. Чистейшая ледяная Ци Девяти Преисподних, способная заморозить саму душу и стереть любую скверну, мгновенно хлынула с его пальцев, бесшумно окутывая замершего призрака.

Там, где проходил холод, даже затхлый запах плесени, казалось, замерзал и очищался.

Серо-черные нити обиды, опутавшие дух, словно наткнулись на заклятого врага. Они дернулись, забились в безумной агонии и издали беззвучный, полный отчаяния и горечи крик. На размытом лице призрака отразились мука и смятение.

— Хм! Столетняя хворь — пора бы тебе рассеяться!

Лу Чэнь коротко рявкнул и ударил одновременно с тем, как холод Цзян Яня накрыл цель. Сложив пальцы мечом, он заставил золотую искру разрастись в яростный разряд! Золотая молния, несущая волю к суду и очищению от всей скверны, с небесной мощью вонзилась в самое сердце сплетения обиды.

Шипение!

В тишине старого двора раздался пронзительный звук распада.

Под ударом золотого грома серо-черная обида, словно снег под лучами солнца, завывала и начала стремительно таять. Тяжелая, липкая столетняя мука была властно развеяна.

Дух задрожал. Мучительное выражение на его лице начало спадать, а в пустых глазах с трудом, но стала пробиваться искра, которую можно было назвать ясностью.

— Именем Бэйинь Фэнду, сужу твои заслуги! Прими бремя земной жилы Цзянчэна, очистись от скверны и займи свое место!

Голос Цзян Яня звучал холодно и четко, как железный закон Юомина, и каждое слово несло в себе силу, способную заморозить саму душу.

Сорвавшийся с его пальцев кармический огонь превратился в тончайшую, но невероятно плотную синюю нить, которая бесшумно вошла в центр лба призрака.

Дух вздрогнул. Все мучения и сопротивление прекратились в одно мгновение.

Последние клочья скверны, которые еще пытался добить Лу Чэнь, были мгновенно заморожены и уничтожены этим синим пламенем. Землисто-желтая искра истинной души, заключенная в кокон кармического огня, вдруг стала яркой и прозрачной.

Фигура призрака начала обретать плоть. Очертания индигового халата стали отчетливыми, проступило молодое, кроткое лицо, дышащее книжной мудростью. Глаза больше не были пустыми — в них светилась чистота и легкое, словно после долгого сна, изумление.

Сейчас!

— Именем Верховного Нефритового императора Хаотяня, повелеваю: место сие, титул — вернуться в строй!

Голос Лу Чэня прогремел следом — низкий, величественный, несущий в себе высший ритм, пронзающий пространство и время.

Из его правой ладони, зависшей над головой духа, вырвался ослепительный золотой свет, в котором была сосредоточена вся его сила Небесного императора.

Золото — священное, теплое, дарующее новую жизнь, словно утреннее солнце — мгновенно окутало призрака.

Секундой позже этот свет встретился с синим кармическим огнем, который до сих пор горел внутри духа.

Шипение!

Лед и пламя, жизнь и смерть, высшая божественная мощь Юомина и Небес начали сложнейшее переплетение внутри этой чистой души.

Над головой призрака вспыхнул слабый, но отчетливый землисто-желтый свет.

Внутри этого сияния медленно формировалась крошечная, невероятно сложная печать божества. Ее очертания в точности повторяли узоры на той самой медной печати Благочестивого божества.

Теплая, тяжелая сила, пахнувшая землей старого города и дыханием веков, начала разливаться от него, вступая в прочный резонанс с почвой под ногами и всей земной жилой района.

Гул!

Весь старый дом, казалось, ожил.

Гнилые балки издали низкий стон, запыленный пол дрогнул. Мириады слабых желтых искр, пропитанных энергией жилы, начали сочиться из щелей в кирпичах, из-под плит переулка и даже из соседних домов. Подобно светлячкам, призванным на зов, они устремились к формирующейся печати над головой призрака.

Столетняя энергия земной жилы Цзянчэна в этот миг стала топливом для божественного огня.

Очертания печати становились все четче, а желтый свет — стабильнее.

Обретший плоть дух излучал покой. Его ясные глаза больше не знали смятения, в них отражалась кротость, подобающая новому божеству. Аура защитника этих земель становилась все более отчетливой.

Церемония наделения титулом подходила к концу.

Однако в тот самый миг, когда печать должна была окончательно закрепиться в сердце души, стоявший рядом с Цзян Янем Лу Чэнь внезапно побледнел.

— Кха!

Без всякого предупреждения он выплюнул фонтан ослепительной крови.

Кровь, отливающая тусклым золотом, словно расплавленный песок, брызнула на холодные, покрытые мхом плиты, с шипением оставляя на камне крошечные опаленные следы.

Лу Чэнь качнулся, словно его ударили невидимым молотом.

Левая рука, державшая печать, безвольно упала, а золотое сияние в правой ладони замерцало, как пламя свечи на ветру, едва не погаснув.

Он сжал зубы, на висках вздулись вены. Собрав последние остатки сил, он втиснул их в почти сформированную печать.

— Душа вернулась, дух призван! Повелеваю! Благочестивое божество, занять место!

Гул!

Землисто-желтая печать окончательно затвердела, превратилась в поток теплого света и погрузилась в лоб молодого духа, исчезнув без следа.

Аура новорожденного божества стабилизировалась, словно корни древнего дерева, впившись в эту землю.

Свет, собранный из энергии жилы, медленно погас. В старом доме снова воцарилась мертвая тишина, лишь в воздухе остался едва уловимый аромат земли и спокойствия.

Наделение... свершилось.

— Угх...

Лу Чэнь глухо застонал, ноги не выдержали, и он, пошатываясь, отступил назад, тяжело ударившись спиной о холодную, грубую кирпичную стену.

С нее посыпалась крошка. Он судорожно прижал руку к груди, лицо его стало бледнее бумаги, на лбу выступил холодный пот. Золотые глаза потускнели, в них читались лишь слабость и боль, а в уголках губ запеклась ослепительная золотистая кровь.

— Лу Чэнь!

Зрачки Цзян Яня сузились. Холод в его фиолетовых глазах мгновенно сменился изумлением и едва уловимой... паникой.

Он инстинктивно бросился к Лу Чэню, подхватывая его обмякшее тело. Даже сквозь ткань боевого костюма он почувствовал, как хаотична и слаба энергия внутри Лу Чэня — это точно не было притворством!

— Что происходит?!

В голосе Цзян Яня прозвучала резкость, которой он сам не ожидал. Фиолетовые глаза, словно ледяные иглы, впились в бледное лицо собеседника.

— Наделение титулом бесхозного духа, использование энергии жилы как фундамента, зажигание божественного огня! Этот процесс опирается на силы Неба и Земли, почему он вытянул из тебя половину первоначала?! Почему ты начал харкать кровью от обратного удара?!

Он бросил взгляд на опаленные капли крови на полу, и его взгляд стал еще острее.

— Хаотянь! Ты что-то скрываешь от меня?!

Руки, поддерживающие Лу Чэня, невольно сжались, с кончиков пальцев едва не сорвался холод.

— По идее, ты обладаешь частью власти Пути Неба, и наделить титулом такого мелкого духа — даже если наши силы сейчас истощены — не должно было стоить тебе так дорого! Что ты сделал?!

Лу Чэнь привалился к стене, тяжело дыша. Каждый вдох отдавался в глубине души разрывающей болью.

Он поднял свободную руку и тыльной стороной ладони с яростью стер кровь с губ.

Услышав вопрос, он поднял голову и встретился взглядом с горящими фиолетовыми глазами Цзян Яня.

В глубине его золотых глаз бурлили сложные эмоции: досада от того, что его слабость раскрыта, упрямое нежелание признаваться, а еще глубже — скрытая, почти отчаянная усталость и боль, которую Цзян Янь пока не мог прочесть.

— Кха...

Лу Чэнь снова выплюнул сгусток крови с золотым отливом. Голос его охрип, но он через силу выдавил привычную, слегка небрежную улыбку, которая сейчас выглядела пугающе бледной.

— Цзян-отличник... твоя реакция... не слишком ли бурная? Кто не знает... подумал бы, что ты так сильно печешься об этом императоре...

— Меньше болтовни!

Голос Цзян Яня взлетел, в нем зазвучал холодный гнев, ледяной блеск в глазах стал почти осязаемым.

— Отвечай мне!

Лу Чэнь смотрел на нескрываемую ярость в его глазах и на ту скрытую тревогу, которую сам Цзян Янь еще не осознал. В глубине золотых глаз что-то дрогнуло, но тут же было погребено под слоем еще более глубокой усталости.

Он прислонился к стене, дыхание немного выровнялось, лицо оставалось пугающе бледным, голос звучал глухо и слабо, но он старался держать марку.

— Что я могу... скрывать? — он дернул уголком рта, поморщившись от боли в груди. — Перерождение... душа оказалась неполной, вот и все. Ты думал... все, как ты... падают с целой душой? Мне... не повезло, упал... более неудачно...

Его объяснение было небрежным, почти самоироничным, словно речь шла о пустяке. Но в глубине потускневших золотых глаз на мгновение промелькнула такая тяжесть и горечь, в которую Цзян Янь сейчас не мог поверить.

Душа неполная?

Цзян Янь не сводил глаз с Лу Чэня, пытаясь найти в этих вечно насмешливых очах хоть тень лжи.

Взгляд Лу Чэня был уставшим, слабым, даже по-своему искренним в своей безнадежности, но он не отводил глаз.

Это объяснение... казалось логичным.

Перерождение всегда полно случайностей, и повреждение души в цикле сансары — дело не редкое. Даже если власть Небесного императора осталась при нем, сам носитель слаб, и попытка силой изменить правила для наделения титулом могла привести к откату.

Но... правда ли это?

Цзян Янь снова взглянул на капли крови с частицами первоначала Небес и почувствовал, как слаба аура жизни в Лу Чэне — словно свеча на ветру.

Только ли... неполная душа?

Он не разжимал рук, поддерживающих Лу Чэня. Холод в его глазах не исчез — он осел, превратившись в еще более глубокий и ледяной взгляд следователя.

Воздух, казалось, застыл. Слышалось лишь тяжелое, сдавленное дыхание Лу Чэня, эхом отдающееся в тишине старого дома.

Новое божество земли, молодой человек в индиговом халате, безмолвно парил в углу. Он излучал покой, закрыв глаза и впитывая новую связь с этой древней землей, даже не подозревая, какая буря только что пронеслась рядом.

<http://bllate.org/book/18859/1839906>